

**Фридрих Гегель .
Феноменология духа**

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Для нас дух имеет своей предпосылкой природу, он является ее истиной, и тем самым абсолютно первым в отношении ее. В этой истине природа исчезла, и дух обнаружился в ней как идея, достигшая своего для-себя-бытия, - как идея, объект которой, так же как и ее субъект, есть понятие. Это тождество есть абсолютная отрицательность, ибо в природе понятие обладает своей полной внешней объективностью, однако это его отчуждение становится тождественным с самим собой. Тем самым оно есть это тождество только как возвращение к себе из природы.

Развитие духа состоит в том, что он существует:

1. В форме отношения к самому себе; что в его пределах идеальная тотальность идеи, т.е. то что составляет его понятие, становится таковой для него, и его бытие состоит в том, чтобы быть у себя, т.е. быть свободным, - это субъективный дух.

2. В форме реальности, как подлежащий порождению духом и порожденный им мир, в котором свобода имеет место как наличная необходимость, - это объективный дух.

3. Как в себе и для себя сущее и вечно себя порождающее единство объективности духа и его идеальности, или его понятия, дух в его абсолютной истине - это абсолютный дух.

Дух существенно есть только то, что он знает о самом себе. Первоначально он есть дух только в себе; его становление для себя составляет его осуществление. Но духом для себя он становится только через то, что он себя обособляет, определяет себя, или делает себя своим предположением, своим другим, прежде всего относя себя к этому другому как к своей непосредственности, но в то же время и снимая его как другое. До тех пор, пока дух находится в отношении к самому себе как некоему другому, он является только субъективным духом, - духом, берущим свое начало из природы, и первоначально только природным духом. Но вся деятельность субъективного духа сводится к тому, чтобы постигнуть себя в себе самом, раскрыть себя как идеальность своей непосредственной реальности.

Дух, развивающийся в своей идеальности, есть дух познающий. Но познание не понимается здесь просто как определенность идеи, как логическая идея, но понимается так, как конкретный дух определяет себя к этому познанию.

Субъективный дух есть:

дух в себе, или непосредственный; в этом смысле он есть душа, или природный дух; - предмет антропологии;

дух для себя, или опосредственный, понятий еще как тождественная рефлексия в себе и по отношению к другому; дух в отношении, или обособлении; сознание - предмет феноменологии духа.

себя в себе определяющий дух как субъект для себя, - предмет психологии

В душе пробуждается сознание; сознание полагает себя как разум, который непосредственно пробудился, как себя знающий разум, освобождающий себя посредством своей деятельности до степени объективности, до сознания своего понятия.

Сознание.

Сознание составляет ступень рефлексии, или отношения духа, его развития как явления. "Я" есть бесконечное отношение духа к себе, но как субъективное, как достоверность самого себя; непосредственное тождество природной души поднято до этого чисто идеального тождества ее с собой; содержание этого тождества является предметом этой для-себя-сущей рефлексии. Чистая абстрактная свобода духа для себя отпускает из себя свою

определенность, природную жизнь души, которая также свободна, как самостоятельный объект; об этом-то объекте, как для него внешнем, "я" и получает прежде всего знание и, таким образом, является сознанием. "Я" как эта абсолютная отрицательность, есть в себе тождество в инобытии; "я" есть оно само и выходит за пределы объекта как чего-то снятого в себе; оно есть и одна сторона отношения и все это отношение в целом, – свет, обнаруживающий себя, и другое.

Прибавление. "Я" должно быть понято как индивидуально определенное, в своей определенности и в своем различии только к себе самому относящееся всеобщее. В этом содержится уже что "я" есть непосредственно отрицательное отношение к самому себе, – следовательно, непосредственная противоположность его всеобщности, абстрагированной от всякой определенности, и в такой же мере абстрактная, простая единичность. "Я" само есть это различие себя от самого себя; ибо, как сама к себе относящаяся, его исключающая единичность, она исключает из себя самой, то есть из единичности, и благодаря этому полагает себя как некоторую с ней непосредственно сомкнутую противоположность себя самой, как всеобщность. Но существенное для "Я" определение абстрактно. Я и мое бытие неразрывно связаны между собой; различие моего бытия от меня есть различие, которое не есть различие. Правда, с одной стороны, бытие как нечто абсолютно непосредственное, неопределенное, неразличное должно быть отличаемо от мышления, отличающего себя от самого себя, и через снятие этого различия себя с самим собой опосредствующего мышления, – от "Я"; тем не менее, с другой стороны, бытие тождественно с мышлением, ибо это последнее от всякого опосредствования возвращается к непосредственности, от всего своего саморазличия – к ничем не ограниченному единству с самим собой. Поэтому "я" есть бытие или содержит последнее как момент в самом себе. Поскольку это бытие я полагаю как нечто другое по отношению ко мне и в то как нечто другое по отношению ко мне и в то же время тождественное со мной, постольку я есть знание и обладаю абсолютной достоверностью моего бытия. Эта достоверность не должна быть рассматриваема, как это бывает при простом представлении, как некоторый род свойства "я", некоторое определение его природы, но ее следует понимать как природу самого "я", и в этом от него отличном, не оставаясь в то же время у самого себя, – а это и означает как раз, – что оно не может существовать, не имея знания о себе, не обладая достоверностью самого себя и не будучи таковой. Достоверность относится поэтому к "я" так же, как свобода к воле. Как достоверность составляет природу "я", так свобода составляет природу воли. Ближайшим образом, однако, достоверность можно сравнить только с субъективной свободой, с произволом; только объективная достоверность, истина, соответствует подлинной свободе воли.

Таким образом, достоверное само для себя "я" сначала есть еще совсем простое субъективное, совершенно абстрактное свободное, совершенно неопределенная идеальность, или отрицательность всякой ограниченности. Поэтому "я", отталкиваясь от самого себя, первоначально становится только формально, а не действительно от себя отличным. Но, как показано в логике, в-себе-сущее различие также должно быть положено, развито до действительного различия. Это развитие по отношению к "я" происходит таким образом, что "я" не впадая обратно в сферу антропологического, в бессознательное единство духовного и природного, но оставаясь достоверным в себе и удерживая себя в своей свободе, заставляет свое другое развиваться до тотальности, равной тотальности "я", и именно вследствие этого из принадлежащего душе телесного превращения в нечто ей самостоятельно противостоящее, в некоторый предмет в подлинном смысле этого слова. Так как "Я" первоначально есть только нечто в совершенно абстрактном смысле субъективное, чисто формальное, бессодержательное саморазличение от себя, то действительное различие, определенное содержание лежит за пределами "я", принадлежит единственно только предметам. Но так как "я" в себя уже содержит различие в самом себе или, другими словами, так как оно с необходимостью отнесено к существующему в предмете различию, и из этого своего другого непосредственно рефлектирует в себя. "Я" возвышается, таким образом, над тем, что действительно от него отлично в этом своем другом оказывается при себе и при любом созерцании сохраняет достоверность самого себя. Только поскольку я оказываюсь способным постигать себя как "я", другое становится для меня предметным, противопоставляется мне и в то же время идеально полагается мной, снова

приводится, следовательно, к единству со мной. Поэтому "я" можно сравнивать со светом. Как свет есть обнаружение самого себя и своего другого, темного, и может сам себя обнаружить лишь посредством обнаружения этого другого, так и "я" лишь в той мере открывается самому себе, в какой его другое открывается для него в форме чего-то от него независимого.

Из этой всеобщей внеположности природы "я" уже в достаточной мере выясняется, что это "я" – поскольку оно вступает в борьбу с внешними предметами – есть нечто высшее, чем находящаяся в детском, так сказать, единстве с миром бессильная природная душа, в которую именно вследствие ее бессилия и проникают рассмотренные нами выше болезненные состояния духа.

ВЦ414

Тождество духа с собой, как оно первоначально полагается как "я", есть только его абстрактная, формальная идеальность. В качестве души в форме субстанциальной всеобщности дух отнесен как субъективная рефлексия-в-самом-себе к этой субстанциальности как к чему-то отрицательному по отношению к нему, потустороннему и темному. Поэтому сознание, как отношение вообще, есть противоречие самостоятельности обеих этих сторон и того их тождества, в котором они сняты. Дух как "я" есть сущность, но поскольку реальность в сфере сущности положена как непосредственно сущая и в то же время как идеальная, постольку дух как сознание есть только явление духа.

Прибавление. Та отрицательность, которую совершенно абстрактное "я", или чистое сознание, проявляет в отношении своего другого, есть отрицательность, которую совершенно абстрактное "я", или чистое сознание, проявляет в отношении своего другого, есть отрицательность еще совершенно неопределенная, поверхностная, неабсолютная. На этой стадии возникает поэтому то противоречие, что предмет, с одной стороны, находится во мне, а с другой стороны, имеет столь же самостоятельное существование и вне меня, как темнота вне света. Сознанию предмет является не как положенный посредством "я", но как непосредственный, сущий, данный; ибо оно не знает еще, что предмет в себе тождествен духу и лишь через саморазделение духа приобретает видимость полной независимости. Что это на самом деле так, знаем только мы, поднявшиеся до идеи духа и тем самым возвысившиеся над абстрактным формальным тождеством "я".

ВЦ415

Так как "я" существует для себя только как формальное тождество, то диалектическое движение понятия, прогрессирующее определение сознания не есть для него его деятельность, но оно есть в себе и для этого сознания является изменением объекта. Сознание оказывается поэтому различно определенным соответственно оказывается поэтому различно определенным соответственно различию данного предмета, а его дальнейшее развитие -- изменением определений его объекта. "Я", субъект сознания, есть мышление; дальнейшее логическое определение объекта есть то, что тождественно в субъекте и объекте, их абсолютная связь, то, соответственно чему объект есть нечто, принадлежащее субъекту.

Примечание. Кантовскую философию всего точнее можно рассматривать в том смысле, что она поняла дух на сознание и содержит в себе исключительно только определение его феноменологии, а не его философии. Она рассматривает "я" как отношение к чему-то потустороннему, что в своем абстрактном определении называется вещь-в-себе, и только соответственно этой конечности понимает она и интеллект, и волю. И если в понятии рефлектирующей силы суждения она приходит, правда, к идее духа, к субъект-объективности, к созерцающему рассудку и так далее, как равным образом также и к идее природы, то сама эта идея в свою очередь снижается до явления, именно до субъективной максимы. Поэтому следует видеть раскрытие правильного смысла этой философии в том, что Рейнгольд истолковал ее как теорию сознания, обозначив последнее термином способности представления. Философия Фихте

состоит на той же точке зрения, и не "я" определенно в ней только как предмет "я", только в сознании; не - "я" остается в ней в качестве бесконечного толчка, то есть как вещь-в-себе. Обе философии показывают тем самым, что они не дошли ни до понятия, ни до духа, как он есть в отношении к другому.

В отношении к спинозизму, напротив, следует заметить, что дух в суждении, посредством которого он устанавливает себя как "я", как свободную субъективность, в противоположность определенности, выходит за пределы субстанции, а философия, поскольку для нее это суждение есть абсолютное определение духа, выходит тем самым за пределы спинозизма.

Прибавление 1. Хотя дальнейшее определение сознания вытекает из его собственного внутреннего существа и, кроме того, имеет в отношении к объекту отрицательное направление, так что объект изменяется сознанием, - все это изменение является для сознания таким, которое осуществляется без его субъективной деятельности, и определения, которые оно полагает в предмете, имеют знания лишь как принадлежащие этому объекту, как сущие.

Прибавление 2. В философии Фихте всегда приходится иметь дело с затруднением в вопросе о том, как "я" должно овладеть не-"я". Истинное единство обеих сторон здесь никогда не достигается; это единство всегда остается чем-то только должствующим быть, ибо с самого начала допущена ложная предпосылка, что "я" и не-"я" в их раздельности, в их конечности суть нечто абсолютное.

ВЦ416

Цель духа как сознание состоит в том, чтобы это свое явление сделать тождественным со своей сущностью, поднять достоверность самого себя до истины. Сосуществование, которое дух имеет в сознании, имеет свою конечность в том, что оно есть формальное отношение к себе, всего лишь достоверность, так как объект лишь абстрактно определен как принадлежащий духу или сам дух рефлексирован в нем в самое себя только как абстрактное "я", то это сущее имеет еще и другое содержание, которое дух не признает своим.

Прибавление. Чистое представление не различает между достаточностью и истиной. Что для него достаточно, - что оно считает субъективно согласующимся с объектом, - то оно и называет истинным, сколь бы незначительным и дурным ни было содержание этого субъективного. Философия, напротив, должна по существу различать понятие истины от голой достоверности; ибо достоверность, которую дух имеет о себе на стадии чистого сознания, есть еще нечто неистинное, самому-себе-противоречащее, ибо здесь дух наряду с абстрактной достоверностью, состоящей в том, чтобы быть у самого себя, обладает еще прямо противоположной достоверностью, состоящей в том что, он относится к существованию другому по сравнению с ним. Это противоречие должно быть снято; в нем самом заложена тенденция к его разрешению. Субъективная достоверность не должна иметь никакого предела в объекте; она должна приобрести истинную объективность; и, наоборот, предмет со своей стороны должен не только абстрактным образом, но и со всех сторон своей конкретной природы сделаться моим. Эта цель уже предчувствуется верящим в себя самого разумом, не достигается она только знанием разума, познаванием в понятиях.

ВЦ417

Ступени - это возвышения доступности до истины, состоят в том, что дух есть:

- сознание вообще, обладающее предметом как таковым;
- самосознание, для которого предметом является "я";
- единство сознания и самосознания - тот факт, что дух созерцает содержание предмета как самого себя и себя самого как определенного в себя и для себя; - разум, понятие духа.

Прибавление. Три ступени возвышения сознания до разума определены посредством действующей как в субъекте, так и в объекте мощи понятия и

потому могут быть рассматриваемы как точно такое же число суждений. Но об этом абстрактное "я", чистое сознание, еще ничего не знает. Поскольку поэтому не-"я", имеющее первоначально для сознания самостоятельное значение, снимается обнаруживающийся в нем мощью понятия, поскольку, далее, объекту вместо формы непосредственности, внешности и единичности придается форма чего-то всеобщего, внутреннего, сознание принимает в себя, - постольку по отношению к "я" это его собственное, как раз таким образом осуществляющееся, становление чем-то внутренним кажется превращением объекта во что-то внутреннее. Лишь при условии, что объект получил черты чего-то внутреннего, превращен в "я", и сознание развивается таким образом до самосознания, - дух познает силу своей внутренней природу как силу проявляющуюся в объекте и в нем действительную. Поэтому то, что в сфере чистого сознания существует только для нас, рассматривающих его, то в сфере самосознания становится существующим для самого духа. Самосознание имеет сознание своим предметом, следовательно, противопоставляет ему себя. Но в то же время сознание сохраняется так же, как момент в самосознании. Самосознание с необходимостью переходит поэтому, далее, к тому, чтобы посредством отталкивания себя от самого себя противопоставить себе некоторое другое самосознание и в этом последнем приобрести себе объект, который тождествен с ним и в то же время самостоятелен. Этот объект первоначально есть непосредственное, единичное "я". Но если это последнее освобождается от еще присущей ему, таким образом, формы односторонней субъективности и понимается как проникнутая субъективностью понятия реальность, следовательно, как идея, то самосознание выходит тогда из своей противоположности сознанию, переходит к опосредственному единству с ним и вследствие этого становится конкретным для-себя-бытием "я", абсолютно свободным разумом, познающим в объективном мире себя самого.

При этом почти нет надобности упоминать здесь о том, что разум, выступающий в нашем рассмотрении как нечто третье и последнее, не есть нечто только последнее, из чего-то ему чуждого проистекающий результат, но скорее есть нечто, лежащее в основе и сознания, и самосознания, следовательно, то первое, что посредством снятия обеих этих односторонних форм, раскрывается как их первоначальное единство и истина.

а) Сознание как таковое.

) Чувственное созерцание. ВЦ418

Сознание есть прежде всего непосредственное сознание, его отношение к предмету есть поэтому простая, непосредственная достоверность его; поэтому и сам предмет точно также определен всего как непосредственный, как сущий и рефлексированный в самое себя, далее, как непосредственно-единичный - чувственное сознание.

Примечание. Сознание, как отношение, содержит в себе лишь те категории, которые принадлежат абстрактному "я", или формальному мышлению; они для него суть определения объекта. Чувственное сознание знает поэтому этот объект только как сущее, как нечто, как существующую вещь, как единичное и так далее. По содержанию оно является самым богатым, но по мыслям оно самое бедное. Его богатое наполнение составляют определения чувства; они представляют собой материал сознания, субстанциальное и качественное, то, что в антропологической сфере есть душа и что она находит в себе. Рефлексия души в себе, "я" отделяет от себя этот материал и прежде всего дает ему определение бытия. Пространственная и временная единичность, здесь и теперь, которую в "Феноменологии духа" я определил как предмет чувственного сознания, - все это относится собственно к созерцанию. Объект здесь следует брать прежде всего только по тому отношению, которое он имеет к сознанию, а именно как нечто для него внешнее, но отнюдь еще не как нечто внешнее в нем самом или как то, что должно быть определено как вне-себя-бытие.

Прибавление. Первая из трех ступеней развития феноменологического духа - именно сознание - сама содержит в себе три ступени:

1. чувственного,

2. воспринимающего и
3. рассудочного сознания.

В этой последовательности раскрывается некоторое логическое движение вперед.

1) Первоначально объект есть совершенно непосредственный, сущей объект, – таковым он является для чувственного сознания. Но эта непосредственность не содержит в себе никакой истины; от нее следует перейти дальше к существенному бытию объекта.

2) Если сущность вещей становится предметом сознания, то это уже более нечувственное, но воспринимающее сознание. На этой стадии единичные вещи ставятся в отношение ко всеобщему, – но именно только ставится в отношение; здесь поэтому не осуществляется еще никакого истинного единства единичного и всеобщего, но лишь смешение обеих этих сторон. В этом заключается противоречие, которое ведет дальше к третьей ступени сознания, а именно

3) к рассудочному сознанию, где оно и находит свое разрешение, поскольку здесь предмет низводится или возвышается до явления некоторого для себя сущего внутреннего. Такое явление есть живое существо. С момента рассмотрения этого живого и загорается самосознание; ибо в живом существе объект превращается в нечто субъективное, – сознание открывает тут само себя как существенное предмета, рефлектирует из предмета в самое себя, становится предметным для самого себя.

После этого общего обзора трех ступеней развития сознания обратимся теперь прежде всего к чувственному сознанию.

Это последнее отличается от других родов сознания не тем, что только в нем одним объект доходит до меня посредством чувств, но скорее тем, что на стадии этого сознания объект – будь он внешний или внутренний – не имеет еще никакого другого мыслительного определения, кроме того, чтобы, во-первых, вообще быть, и, во-вторых, по отношению ко мне быть некоторым самостоятельным другим, чем-то рефлектированным в самое себя, некоторым единичным по отношению ко мне как к единичному, непосредственному. Особое содержание чувственного, например запах, вкус, цвет и т.д., относится к области ощущения. Но своеобразная форма чувственного – быть для-себя-самого-себя-внешнем, разъединение частей в пространстве и во времени – представляет собой постигнутое созерцанием определение объекта, так что для чувственного сознания как такового сохраняет значение только упомянутое выше определение мышления, в силу которого многообразное обособленное содержание ощущений собирается в некоторое вне меня сущее единство. Это единство на этой стадии познается мной непосредственно, разрозненно, случайно попадает в данный момент в мое сознание и потом снова из него исчезает, – вообще, как по своему существованию, так и по своему характеру, является для меня чем-то данным, следовательно, чем-то таким, о чем я не знаю, откуда оно приходит, почему оно имеет эту определенную природу, а так же является ли оно истинным.

Из этой краткой характеристики природы непосредственного или чувственного, сознания ясно, что по отношению к в-себе-и-для-себя всеобщему содержанию права, нравственности и религии оно является безусловно неподходящей, искажающей такое содержание формой, так как в этом сознании абсолютно необходимому, вечному, бесконечному, внутреннему предается вид чего-то конечного, разрозненного, себе-самому-внешнего. Поэтому, если в новое время хотели признать возможность только непосредственного знания Бога, то при этом ограничивали себя знанием, которое в состоянии высказать о Боге только то, что Он есть – что Он существует вне нас, – и что для ощущения Он кажется обладающим такими-то и такими-то свойствами. Такое сознание не достигает ничего большего, как только хвастовства, выдающего себя за религиозное и важничания своими случайными воззрениями относительно природы потустороннего для него Божественного начала.

ВЦ419

Чувственное как нечто превращается в нечто другое; рефлексия такого нечто в самое себя, вещь имеет много свойств и в качестве единичного обладает в своей непосредственности многообразными предикатами.

Множественное единичное чувственности становится поэтому чем-то широким – многообразием отношений, рефлексивных определений и всеобщностей. Все это суть логические определения, полагаемые мыслящим существом, то есть в данном случае "я". Но, существуя для этого последнего как являющийся, предмет и претерпел такие изменения. В этом определении предмета чувственное сознание есть восприятия.

Прибавление. Содержание чувственного сознания диалектично в себе самом. Оно должно быть определенным единичным; но тем самым оно не есть уже некоторое единичное, но всякое вообще единичное; и как раз – поскольку единичное содержание исключает из себя другое – оно вступает в отношение к другому, проявляется как выходящее за пределы самого себя, как зависимое от другого, как опосредствованное этим другим, как внутри себя содержащее это другое. Ближайшей истиной непосредственно-единичного является, следовательно, его отнесенность к другому. Определения этого отношения к другому составляют то, что называется определениями рефлексии, а сознание, постигающее эти определения, есть восприятие.

) Восприятие.

ВЦ420

Сознание, вышедшее за пределы чувственности стремится воспринять предмет в его истине не только как непосредственный, но и как опосредствованный, рефлексированный в себя и всеобщий. Этот предмет представляет собой поэтому соединение чувственных и расширенных мыслительных определений конкретных отношений и связей. Тем самым тождество сознаний с предметом не есть уже только абстрактное тождество достоверности, но тождество определенное, – знание.

Примечание. Ближайшая ступень сознания, на которой философия Канта постигает дух, есть восприятие, составляющее вообще отправную точку зрения нашего обыкновенного сознания, а так же в большей или меньшей мере и наук. При этом исходят из чувственных достоверностей единичных аперцепций, или наблюдений, возводимых в степень истины будто бы тем, что их рассматривают в их взаимном отношении к друг другу, размышляют о них, вообще тем, что они по определенным категориям превращаются в нечто одновременно необходимое и всеобщее, становятся опытом.

Прибавление. Хотя восприятие исходит из наблюдения чувственного материала, оно все же на нем не останавливается – не ограничивается, как известно, данными ощущения обоняния, вкуса, зрения, слуха и осязания, – но с необходимостью переходит далее, к тому, чтобы поставить чувственное в отношение к непосредственно не наблюдаемому всеобщему, – все разрозненное познать в его внутренней связности в нем самом: например, в силе объединить все ее обнаружения и отыскать существующие между единичными вещами отношения и опосредствования. Поэтому, в то время как чисто чувственное сознание только предъявляет нам вещи, то есть показывает их нам лишь в их непосредственности, восприятия, напротив, постигает связь вещей – делает очевидным и невероятным то, что если данные обстоятельства имеются налицо, то вот что отсюда следует, и, таким образом, начинает раскрывать перед нами вещи как истинные так и не очень. Это раскрытие, однако, является еще недостаточным, не последним и не первым. Ибо то при помощи чего нечто в этом должно быть раскрыто, само есть нечто предположенное, следовательно, нуждающееся в подтверждении; так что в этой области приходится продвигаться от предположения к предположению, так что получается прогресс в бесконечность.

На этой ступени находится опыт. Все должно быть познано на опыте. Но если речь должна идти о философии, то от упомянутого эмпирического и фантастического подтверждения, остающегося связанным с некоторыми предпосылками, необходимо подняться до доказательства абсолютной необходимости вещей.

Развитие сознания проявляется как изменение определений его объекта. Относительно этого пункта здесь можно упомянуть еще о том, что поскольку воспринимающее сознание снимает единичность вещей, идеально полагает ее и

тем самым отрицает внешность отношения предмета к "я", постольку "я" углубляется в себя, само приобретает более внутренний характер; однако сознание рассматривает это вхождение в самого себя как углубление, проникновение и внедрение в объект

ВЦ421

Это соединение единичного и всеобщего есть смешение, потому что единичное продолжает быть лежащим в основании бытием, в корне отличным от всеобщего, к которому оно в то же время поставлено в отношение. Это соединение есть поэтому многостороннее противоречие – всех вообще единичных вещей чувственной апперцепции, долженствующих составлять основание всеобщего опыта и всеобщности, которая, собственно, и есть сущность и основание; единичности, представляющей собой самостоятельность, взятую в ее конкретном содержании, и многообразных свойств, которые, являясь свободными от упомянутой отрицательной связи и друг от друга, скорее представляют собой самостоятельные всеобщие материи и т.д. Сюда, собственно, относится противоречие конечного, проходящее через все формы логических сфер, но находящее себе наиболее конкретное выражение в том, что нечто определено как объект.

) Рассудок.

ВЦ422

Ближайшая истина восприятия состоит в том, что предмет есть скорее явление и его рефлексия-в-самое-себя есть для себя сущее внутреннее и всеобщее. Сознание этого предмета есть рассудок. Только что упомянутое внутреннее, с одной стороны, есть снятое многообразие чувственного и, таким образом, абстрактное тождество, но, с другой стороны, оно именно в силу этого содержит в себе также и многообразие, но как внутреннее простое различие, которое в смене явлений остается тождественным самому себе. Это простое различие есть царство законов явления, их спокойное всеобщее отображение.

Прибавление. Отмеченное противоречие получает свое первое разрешение вследствие того, что самостоятельные друг по отношению к другу и по отношению к внутреннему единству каждой отдельной вещи многообразные определения чувственного низводятся до явления для себя сущего внутреннего, и предмет тем самым из противоречия своей рефлексии в самое себя в своей рефлексии в другое развивается далее до существенного отношения себя к самому себе. Поскольку, однако, сознание от наблюдения непосредственной единичности и от смешения единичного и всеобщего возвышения до постижения внутренней сути предмета и, следовательно, определяет предмет таким же способом, как и "я", постольку оно становится рассудочным сознанием. Лишь в этом, только что упомянутом нечувственном внутреннем рассудок рассчитывает постигнуть истинное. Первоначально, однако, это внутреннее есть нечто абстрактно-тождественное, неразличенное в самом себе; – с таким внутренним мы имеем дело в категориях силы и причины. Напротив, подлинно внутреннее должно быть охарактеризовано как конкретное, различенное в самом себе. Понятное так, оно есть то, что мы называем законом. Ибо сущность закона, – все равно, относится ли этот последний к внешней природе или к нравственному миропорядку, – состоит в неразрывном единстве, в необходимой внутренней связи различных определений. Так, закон с необходимостью связывает с преступлением наказание; преступнику это последнее может, правда, казаться чем-то ему чуждым; однако в понятии преступления по самому существу подразумевается уже его противоположность – наказание. Равным образом – что касается внешней природы, – то, например, закон движения планет, согласно которому, как известно, квадраты времен их обращения относятся друг к другу как кубы их расстояний, должен быть понят как внутреннее необходимое единство различных определений. Это единство постигается, конечно, только

спекулятивным мышлением разума, но в многообразии явлений оно открывается уже рассудочным сознанием. Законы суть определения рассудка, внутренне присущего самому миру; поэтому рассудочное сознание находит в них свою же собственную природу и тем самым становится предметным для самого себя.

ВЦ423

Закон, который ближайшим образом есть отношение всеобщих, пребывающих определений, имеет свою необходимость в себе самом, поскольку его различие есть внутреннее различие; любое из его определений, не будучи внешне отличным от другого, само непосредственно содержится в другом. Но внутреннее различие оказывается таким образом, как раз тем, что оно есть поистине, то есть различием в самом себе, или различием, которое не есть различие. В этом определении формы вообще сознание в себе, содержащее как таковое самостоятельность противоречащих друг другу субъекта и объекта, исчезло; "я" в качестве высказывающего суждения имеет предмет, который от него не отличен, - самого себя, - самосознание.

Прибавление. То, что в предшествующих параграфах было сказано о внутреннем различии, составляющем сущность закона, - именно что это различие есть различие, которое собственно не есть различие, - в такой же мере справедливо и для различия, существующего в предметном для самого себя "я". Как закон не есть нечто различенное только в отношении чего-то другого, но нечто различенное в самом себе, нечто в своем различии тождественное с собой, так то же самое справедливо и относительно "я", знающего самого себя, имеющего своим предметом самого себя. Поскольку поэтому сознание как рассудок имеет знание о законах, поскольку оно находится в отношении к некоторому предмету, в котором "я" вновь находит противоположность своей собственной самости и тем самым обнаруживает непосредственную тенденцию развиться до самосознания как такового. Так как, однако, чистое рассудочное сознание не поднимается еще до того, чтобы понять имеющееся в законе единство различных определений, то есть из одного из этих определений диалектически развить ему противоположное, то это единство остается еще для сознания, о котором здесь идет речь, чем-то мертвым, следовательно, с деятельностью "я" не согласующимся. В живом существе, напротив, сознание созерцает процесс самого полагания и снятия различных определений, воспринимает, что различие не есть различие, то есть, что оно не есть различие абсолютно прочное. Ибо жизнь есть то внутреннее, которое не остается только абстрактно-внутренним, но всецело переходит в свое обнаружение; оно есть то, через отрицание непосредственного, внешнего получающееся опосредствованное, которое само это опосредствование снимает до непосредственности, - чувственное, внешнее и в то же время безусловно внутреннее существование, - материальное, в котором внеположность частей оказывается снятой, а единичное - низведенным до чего-то идеального, до момента, до звена в целом. Коротко говоря, жизнь должна быть понята как самоцель, как цель, которая в себе самой имеет свое средство, как тотальность, в которой каждое звено, отличное от другого, есть одновременно и цель, и средство. На основе сознания этого диалектического, этого живого единства различенного воспламеняется поэтому самосознание - сознание для себя самого предметного, следовательно, в себе самом различенного простого идеального - знание об истине природного, о "я".

b) Самосознание.

ВЦ424

Истина сознания есть самосознание, и это последнее есть основание сознания, так что в существовании всякое сознание другого предмета есть самосознание. Я знаю о предмете, что он мой (он мое представление), поэтому в знании о нем я имею знание о себе. Выражение самосознания есть "я" = "я" - абстрактная свобода, чистая идеальность. В таком виде самосознание не имеет реальности; ибо оно само, будучи своим

предметом, в то же время и не есть таковой предмет, ибо не существует никакого различия между этим предметом и им самим.

Прибавление. В выражении "я" = "я" высказан принцип абсолютного разума и свободы. Свобода и разум состоят в том, что я возвышаюсь до формы "я" = "я", что я все познаю как принадлежащее мне, как "я", что каждый объект я постигаю как звено в системе того, что есть я сам, – коротко говоря, что в одном и том же сознании я имею и "я", и мир, в мире снова нахожу себя и, наоборот, в моем сознании имею то, что есть, что имеет объективность. Это единство "я" и объекта, образующее принцип духа, существует, однако, первоначально только абстрактным образом в непосредственном самосознании и познается только нами, рассматриваемыми, но еще не самим самосознанием. Непосредственное самосознание еще не имеет своим предметом "я" = "я", а только "я", – оно поэтому свободно только для нас, а не для самого себя, – оно еще не знает о своей свободе и содержит в себе только ее основу, но еще не знает о своей свободе и содержит в себе только ее основу, но еще не подлинно действительную свободу.

Абстрактное самосознание есть первое отрицание сознания, поэтому оно еще обременено внешним объектом, формально говоря, своим отрицанием. Тем самым оно одновременно есть и предшествующая ступень, сознание, и является противоречием себе как самосознание и себе же в качестве сознания. Поскольку это последнее и отрицание вообще в "я" = "я" в себе уже снято, постольку оно, как достоверность в себе самом по отношению к объекту, есть влечение полагать то, что оно есть в себе, другими словами, сообщать абстрактному знанию о себе содержание и объективность и, наоборот, себя освобождать от своей чувственности, снимать данную объективность и полагать ее тождественной с собой; и то, и другое есть одно и то же – отождествление своего сознания и самосознания.

Прибавление. Недостаток абстрактного самосознания состоит в том, что это абстрактное самосознание и сознание в отношении друг друга представляют собой еще две разные вещи, что они еще не уравнили взаимно друг друга. В сознании мы видим громадное различие "я" – этого совершенно простого, с одной стороны, и бесконечного многообразия мира – с другой. Эта здесь еще не достигающая действительного опосредствования противоположность "я" и мира составляет конечность сознания. Напротив, самосознание имеет свою конечность в своем еще совершенно абстрактном тождестве с самим собой. В "я" = "я" непосредственного самосознания имеется налицо только должствующее быть, но еще не положенное, еще не действительное различие.

Этот разлад между самосознанием и сознанием и образует внутреннее противоречие самосознания с самим собой, ибо самосознание есть в то же время и ближайшая предшествующая ему ступень – сознание, следовательно, противоположность самому себе. В самом деле, так как абстрактное самосознание есть только первое, следовательно, еще только условное отрицание непосредственности сознания, а еще не абсолютная отрицательность, то есть отрицание только что упомянутого отрицания, образующее бесконечное утверждение, – то и само оно имеет еще форму чего-то сущего, непосредственного, чего-то – вопреки или скорее как раз благодаря своей чуждой всяких различий внутренней природе – еще заполненного внешностью; оно содержит поэтому отрицание не только в себе, но и вне себя, как внешний объект, или "не-я", – и именно вследствие этого есть сознание.

Отмеченное здесь противоречие должно быть разрешено, и это происходит таким образом, что самосознание, которое имеет своим предметом себя как сознание, как "я", развивает простую идеальность "я" до реального различия и тем самым, снимая свою одностороннюю субъективность, дает себе объективность – процесс, тождественный с противоположным процессом, посредством которого объект также субъективно полагается "я", погружается во внутреннее самости, и таким образом уничтожается существующая в сознании зависимость "я" от внешней реальности. Так самосознание достигает того, что имеет сознание не наряду с собой, не внешнее только с ним связано, но действительно пронизывает его собой и в качестве растворенного содержит его в самом себе.

Чтобы достигнуть этой цели, самосознание должно пройти три ступени развития.

1. Первая из этих ступеней раскрывает перед нами непосредственное, просто с самим собой тождественное и в то же время – в противоречии с этим – отнесенное к внешнему объекту единичное самосознание. Будучи так

определенно, самосознание есть достоверное знание о себе самом как о сущем, в сопоставлении с которым предмет обладает определением только чего-то мнимо самостоятельного, в действительности же ничтожного, - оно есть вожделеющее самосознание.

2. На второй ступени объективное "я" получает определение другого "я", и таким образом возникает отношение одного самосознания к другому самосознанию, а между ними обоими возникает процесс признания. Здесь самосознание не есть уже более единичное самосознание, но в нем начинается осуществляться единение единичности и всеобщности.

3. Поскольку далее снимается инобытие противопоставленных друг другу самостей, и эти самости в своей самостоятельности все же делаются тождественными друг с другом, - постольку выступает третья из названных ступеней - всеобщее самосознание.

) . Вожделение .

ВЦ426

Самосознание в своей непосредственности есть нечто единичное и вожделение - противоречие его абстракции, которая должна быть объективной, или его непосредственности, которая имеет вид внешнего объекта и должна быть субъективной. По отношению к достоверности самого себя, возникшей из снятия сознания, объект должен быть определен как нечто ничтожное, а в отношении самосознания к объекту как столь же ничтожная должна быть определена абстрактная идеальность самосознания.

Прибавление. Вожделение есть та форма, в которой самосознание проявляется на первой ступени своего развития. Вожделение здесь, во второй, главной части учения о субъективном духе, еще не имеет никакого дальнейшего определения, кроме определения его как влечения, поскольку это последнее, не получив еще определения со стороны мышления, направлено на внешний объект, в котором оно ищет своего удовлетворения. Но что определенное таким образом влечение существует в самосознании, - необходимость этого заключается в том, что самосознание есть вместе с тем и ближайшая предшествующая ему ступень, именно сознание, и что оно знает об этом внутреннем противоречии. Где нечто, тождественное с самим собой носит в себе противоречие и проникнуто чувством своего в себе сущего тождества с самим собой, равно как и противоположным чувством своего внутреннего противоречия, - там с необходимостью выступает влечение снять это противоречие. Неживое не имеет никакого влечения, потому что оно не в состоянии перенести противоречия и погибает, если нечто, по отношению к нему другое, в него проникает. Напротив, все одушевленное и дух необходимо имеют влечение, так как ни душа, ни дух не могут существовать, не имея в себе противоречия, не чувствуя или не зная его. Но в непосредственном и потому природном, единичном, исключаящем самосознании противоречие, как было уже указано выше, имеет ту форму, что самосознание, - понятие которого состоит в том, чтобы выразить отношение к самому себе, быть "я" = "я", - имеет в то же время отношение еще к некоторому непосредственному, положенному не идеально другому, к внешнему объекту, к "не-я", и есть нечто для самого себя внешнее, ибо оно, - хотя в себе и есть тотальность, единство субъективного и объективного, - ближайшим образом существует, однако, как нечто одностороннее, как только субъективное, лишь через удовлетворение вожделения достигающее того, чтобы быть в себе и для себя тотальностью. Несмотря, однако, на это внутреннее противоречие, самосознание продолжает оставаться абсолютно уверенным в себе, ибо оно знает, что непосредственный внешний объект не обладает никакой истинной реальностью, а есть скорее по отношению к субъекту нечто ничтожное, лишь мнимо самостоятельное, в действительности же такое же, что не заслуживает и не может существовать самостоятельно, но должно погибнуть под действием реальной мощи субъекта.

Поэтому самосознание, взятое в себе, знает себя в предмете, который в этой связи соответствует влечению. В отрицании обоих односторонних моментов как собственной деятельности "я" и осуществляется для последнего это тождество. Предмет не в состоянии оказать этой деятельности никакого противодействия, как нечто в себе и для самосознания лишенное самостности;

диалектика снятия себя, составляющая его природу, существует здесь как упомянутая выше деятельность "я". Данный объект полагается здесь в такой же мере субъективно, в какой субъективность теряет свою односторонность и становится для себя объективной.

Прибавление. Самосознающий субъект знает себя как такого, который в себе тождествен с внешним объектом, - знает, что этот последний содержит в себе возможность удовлетворения вожделения, что предмет, следовательно, соответствует вожделению и что именно вследствие этого вожделение и возбуждается предметом. Отношение к объекту является поэтому для субъекта необходимым. Субъект усматривает в объекте свой собственный недостаток, свою собственную односторонность, видит в объекте нечто принадлежащее к его собственной сущности и тем не менее ему нехватющее. Самосознание может снять это противоречие, ибо оно есть не бытие, а абсолютная деятельность; и оно действительно снимает его, поскольку овладевает предметом, только выдающим себя за самостоятельный, - удовлетворяет себя, пожирая его, и сохраняет себя в этом процессе, так как оно - самоцель. Объект должен при этом погибнуть, ибо оба - субъект и объект - суть здесь непосредственные начала, а таковые не могут составлять единства иначе, как только так, что непосредственность - и притом ближайшим образом непосредственность лишенного самости объекта - отрицается. Вследствие удовлетворения вожделения полагается в-себе-сущая тождественность субъекта и объекта, односторонность же субъективности и мнимая самостоятельность объекта оказываются снятыми. Поскольку, однако, предмет уничтожается испытывающим вожделение самосознанием, постольку он может казаться подчиняющимся действию совершенно чуждой силы. Но это только видимость. Ибо непосредственный объект должен снять себя согласно своей собственной природе, согласно своему понятию, так как в своей единичности он не соответствует всеобщности своего понятия. Самосознание есть являющееся понятие самого объекта. В уничтожении предмета самосознанием он погибает поэтому от действия на него мощи его собственного понятия, только внутренне ему присущего и именно в силу этого только как бы извне к нему приходящего. Так объект полагается субъективно. Но этим снятием объекта субъект снимает также и свой собственный недостаток, если распадение на безразличное "я" = "я" и на "я", отнесенное к внешнему объекту, и в такой же мере придает своей субъективности объективность, в какой объект делает субъективным.

ВЦ428

Продуктом этого процесса является то, что "я" смыкается с самим собой и, получая таким образом для себя удовлетворение, становится действительным. С внешней стороны оно, в этом возврате в себя, ближайшим образом остается определенным как единичное и сохраняется как таковое, потому что относится к бессамостному объекту лишь отрицательно, и этот последний, таким образом, поглощается. Вожделение в своем удовлетворении является, таким образом, вообще разрушающим, а по своему содержанию себялюбивым; и так как удовлетворение совершается лишь в единичном, а это последнее преходящее, то в удовлетворении зарождается новое вожделение.

Прибавление. Отношение вожделения к предмету есть безусловно еще отношение себялюбивого разрушения, а не отношение создания. Поскольку самосознание относится к предмету как созидательная деятельность, постольку этот последний только в самосознании получает приобретающую в нем прочное существование форму субъективности, сохраняясь, однако, по своему веществу. Напротив, через удовлетворение охваченного вожделением самосознания - поскольку оно еще не обладает силой переносить другое как независимое - самосознательность объекта разрушается; так что форма субъективного не достигает в нем никакой устойчивости.

Но, подобно предмету вожделения, и само оно и его удовлетворение необходимо есть нечто единичное, преходящее, уступающее место вожделению, просыпающемуся все с новой силой. Это есть объективирование, постоянно остающееся в противоречии со всеобщностью субъекта и тем не менее вследствие чувствуемого недостатка непосредственной субъективности все снова пробуждаемое, никогда не достигающее своей цели абсолютно, но приводящее лишь к прогрессу в бесконечность.

ВЦ429

Однако чувство самого себя, возникающее у "я" в процессе удовлетворения, с внутренней стороны или в себе не остается в абстрактном для-себя-бытии, или в своей единичности результат этого отрицания содержит в себе определение всеобщности и тождества самосознания со своим предметом. Суждение, или разъятие этого самосознания, есть сознание свободного объекта, в котором "я" имеет знание о себе самом как о "я", но так что и это знание все еще остается вне его.

Прибавление. С внешней стороны непосредственное самосознание остается во власти продолжающейся в бесконечность скучной смены вожделения и его удовлетворения, во власти субъективности, из своей объективности постоянно снова впадающей в самое себя. Напротив, с внутренней стороны, или согласно понятию, самосознание через снятие своей субъективности и внешнего предмета подвергло отрицанию свою собственную непосредственность, точку зрения вожделения, - посредством определения инобытия противопоставило себя самому себе, другое наполнило своим "я", на чего-то бессамостного сделало его свободным и самостным объектом, некоторым другим "я", - тем самым противопоставило себя самому себе в качестве различного от себя "я", но именно этим и повысилось над себялюбием только разрушающего вожделения.

) Признающее самосознание.

ВЦ430

Это есть самосознание для самосознания, прежде всего непосредственно, как другое для другого. Я созерцаю в нем самого себя как "я"; но и в самом себе я опять-таки созерцаю непосредственно наличный, в качестве "я" абсолютно по отношению ко мне самостоятельный, другой объект. Снятие единичности самосознания было первым снятием; этим самосознание определено только как особенное. Это противоречие порождает влечение показать себя в качестве свободной самости и для другого быть на лицо как таковым, - процесс признания.

Прибавление. Вторая ступень развития самосознания имеет с самосознанием, образующим первую ступень его развития и его находящимся во власти вожделения, прежде всего общее для них определение непосредственности. В этом определении заключается огромное противоречие, а именно: так как "я" есть совершенно всеобщая, абсолютно-непрерывная, никакой границей не прерванная, для всех людей общая сущность, те обе связанные здесь друг с другом самости образуют единое тождество, так сказать, один свет и тем не менее в то же время представляют собой два "я", которые в совершенной косности и недоступности друг для друга существуют каждое как нечто в-самое-себя-рефлектированное, от другого абсолютно различное и непроницаемое для него.

ВЦ431

Это противоречие есть борьба; ибо я не могу знать себя в другом как самого себя, поскольку другое есть для меня непосредственное другое наличное бытие; я поэтому стремлюсь снять эту его непосредственность. Точно так же и "я" не может быть признано как непосредственное, но признается лишь, поскольку я сам снимаю в себе свою непосредственность и благодаря этому даю моей свободе наличное бытие. Но эта непосредственность есть в то же время телесность самосознания, в которой оно, как в своем внешнем знаке и орудии, имеет чувство самого себя, равно как и свое бытие для других, и свое опосредствующее с ними отношение.

Прибавление. Более точная форма противоречия состоит в том, что оба находящиеся в отношении друг к другу, самосознающие субъекта, - потому

именно, что они имеют непосредственное наличное бытие, – суть природные, телесные субъекты, существуют, следовательно, в виде вещи, подчиненной чуждой силе, и в качестве такой вещи вступают в соприкосновение друг с другом, но в то же время являются, однако, безусловно свободными и не должно обходиться друг с другом, как только с чем-то только данным в непосредственном наличном бытии, как с чем-то только природным. Для преодоления этого противоречия необходимо, чтобы обе противостоящие друг другу самости в своем наличном бытии, в своем бытии-для-другого полагали бы себя как то и взаимно признавали бы себя за то, что они есть в себе, или по своему понятию, – именно не только за природные, но и за свободные существа. Только так осуществляется истинная свобода, ибо ввиду того, что эта последняя состоит в тождестве меня с другим, я только тогда истинно свободен, если и другой также свободен и мной признается свободным. Эта свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом; тогда как, наоборот, потребность и нужда сводит их вместе только внешне. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге. Но это не может произойти до тех пор, пока они остаются во власти своей непосредственности, своей природности, ибо эта последняя есть как раз то, что разобщает их друг с другом и препятствует им быть друг в отношении друга свободными. Свобода требует поэтому того, чтобы самосознающий субъект в своей природности не давал проявиться и природности других тоже не терпел бы, но чтобы, напротив, относясь равнодушно к наличному бытию, в отдельных непосредственных отношениях с людьми он и свою, и чужую жизнь ставил бы на карту для достижения свободы. Только посредством борьбы, следовательно, может быть завоевана свобода; одного заверения в том, что обладаешь свободой, для этого недостаточно; только тем, что человек как себя самого, так и других подвергает смертельной опасности, он доказывает на этой стадии свою собственную способность к свободе.

ВЦ432

Борьба за признание идет, следовательно, на жизнь и смерть, каждое из обоих самосознаний подвергает опасности жизнь другого и само подвергается ей, но только как опасности; ибо в такой же мере каждое самосознание направлено и на сохранение жизни, как наличного бытия своей свободы. Смерть одного, разрешающая противоречие с одной стороны, абстрактным и потому грубым отрицанием непосредственности, оказывается, таким образом, с существенной стороны – со стороны имеющегося налицо признания, которое тоже при этом снимается, – новым противоречием, и притом более глубоким, чем первое.

Прибавление. Абсолютное доказательство свободы в борьбе за признание есть смерть. Уже одним тем, что борющиеся идут на смертельную опасность, они полагают как нечто отрицательное свое обоюдное природное бытие, доказывая, что они рассматривают его как нечто ничтожное. Смертью же природность фактически отрицается, и тем самым решается ее противоречие с духовным, с "я". Это разрешение является тем не менее лишь совершенно абстрактным, – имеет только отрицательный, а не положительный характер. Ибо, если из двух людей, борющихся друг с другом за свое взаимное признание, хотя бы один погибает, то никакого признания не осуществляется, тогда оставшийся в живых столь же мало, как и мертвый, существует в качестве признанного. Вследствие смерти возникает, следовательно, новое, еще больше противоречивое, состоящее в том, что тот, кто доказал борьбой свою внутреннюю свободу, не достиг тем не менее никакого признанного наличного бытия своей свободы.

Чтобы предотвратить возможные недоразумения относительно только что изложенной ступени развития, мы еще должны здесь заметить, что борьба за признание в только что приведенной, доведенной до крайности форме может иметь место лишь в естественном состоянии, когда люди существуют только как единичные существа, и, напротив, совершенно чужда гражданскому обществу и государству, так как тут то, что является результатом упомянутой борьбы, – именно факт признания – уже есть налицо. Ибо хотя государство также может возникнуть вследствие насилия, но держится оно тем не менее не на нем; в своем проявлении сила вызвала к существованию лишь нечто в-себе-и-для-себя-правомерное – законы, конституцию. В государстве дух

народа – нравы, законы – является господствующим началом. Здесь человека признают и с ним обращаются как с разумным существом, как со свободным, как с личностью; и каждый отдельный человек со своей стороны делает себя достойным этого признания тем, что преодолевая природность своего самосознания, повинуется всеобщему, в-себе-и-для-себя-сущей воле, закону, – следовательно, по отношению к другим ведет себя так, как надлежит вести себя всем, – признает их тем, чем сам бы хотел бы быть признанным, т.е. свободным человеком, личностью. В государстве гражданин получает подобающую ему честь благодаря должности, на которую он поставлен, благодаря профессии, которой он занимается, и благодаря любой другой своей трудовой деятельности. Его честь получает вследствие этого субстанциальное, всеобщее, объективное, от пустой субъективности уже не зависящее содержание. В естественном состоянии, в котором индивидуумы – каковы бы они ни были и что бы они не делали – хотят силой вынудить для себя признание, ничего подобного еще нет.

Из всего только что сказанного явствует, однако, что с борьбой за признание, составляющей необходимый момент в развитии человеческого духа, отнюдь не следует смешивать поединок. Последний не относится, как это справедливо для борьбы за признание, к естественному состоянию людей, но к уже более или менее развернутой форме гражданского общества и государства. Свое подлинное всемирно-историческое место поединок занимает с системе феодализма, которая должна была быть правовым состоянием, но была им лишь в весьма малой степени. Тут рыцарь хотел – что бы он со своей стороны ни совершил – считаться человеком, который ни в чем не уронил своего достоинства, остался совершенно незапятнанным. Это и должен был доказать поединок. Хотя кулачное право и было введено здесь в известные рамки, оно все же своей абсолютной основой имело себялюбие; осуществлением его давалось поэтому не доказательство разумной свободы и действительно государственно-гражданской чести, но, скорее, доказательство грубости и часто бесстыдства чувства, притязавшего вопреки своей прочности на внешние почести. У античных народов мы не встречаем поединка, ибо формализм пустой субъективности – стремление субъекта придать известный вес своей непосредственной единичности – был им совершенно чужд; свою честь они полагали исключительно в прочном единстве их с тем нравственным отношением, которым является государство. Что же касается современных нам государств, то в них поединок едва ли может считаться чем-либо иным, кроме как искусственным возвратом к грубости средневековья. Правда, в военных кругах прежнего времени поединок еще мог иметь тот более или менее разумный смысл, что индивидуум хотел им доказать, что имеется более возвышенная цель, чем давать себя убивать за деньги.

ВЦ433

Поскольку жизнь столь же существенна как свобода, постольку борьба заканчивается как одностороннее отрицание прежде всего тем нравственным, что один из борющихся предпочитает жизнь, сохраняет себя как единичное самосознание, но отказывается при этом от требования признания себя другим, другой же, напротив, крепко держится за свое отношение к самому себе и признается первым из борющихся, который теперь подчинен ему, – отношение господства и рабства.

Примечание. Борьба за признание и подчинение власти господина есть явление, из которого произошла совместная жизнь людей как начало государства. Насилие, составляющее основание этого явления, не есть еще поэтому основание права, но лишь необходимый и правомерный момент в переходе от состояния самосознания, погруженного в вожделение и единичность к состоянию всеобщего самосознания. Это наличие есть внешнее, или являющееся, начало государств, а не их субстанциальный принцип.

Прибавление. Отношение господства и рабства содержит в себе лишь относительное снятие противоречия между рефлектированной в самое себя особенностью и взаимным тождеством различных, обладающих самосознанием субъектов. Ибо в этом отношении непосредственность особенного самосознания снимается пока еще только со стороны раба и, напротив, сохраняется на стороне господина. В то время как природность жизни еще сохраняется здесь и на той, и на другой стороне, собственная воля раба отказывается здесь от

себя и отдается на волю господина; содержанием воли раба становится теперь цель повелителя, который, со своей стороны, принимает в свое самосознание не волю раба, но лишь заботу о поддержании его природной жизненности; притом так, что в этом отношении положенное тождество самосознания отнесенных друг к другу субъектов осуществляется лишь односторонне.

Что касается исторической стороны интересующего нас отношения, то здесь можно отметить, что античные народы – греки и римляне – еще не возвысились до понятия абсолютной свободы, ибо они не познали еще того, что человек как таковой – как вот это всеобщее "я", как разумное самосознание – имеет право на свободу. Скорее человек только тогда признавался у них свободным, когда он был рожден в качестве свободного. Свобода определялась у них, следовательно как нечто природное. Вот почему в их свободных государствах существовало рабство, и у римлян возникали кровавые войны, в которых рабы пытались добиться для себя свободы – признания за ними их вечных человеческих прав.

ВЦ434

Это отношение с одной стороны, – так как за средством господства, рабом, также должна быть сохранена его жизнь – есть общность потребности и заботы об ее удовлетворении. На место грубого разрушения непосредственного объекта становится приобретение, сохранение и формирование его как того посредствующего, в чем смыкаются обе крайности – самостоятельности и несамостоятельности; форма всеобщности в удовлетворении потребности есть длительно действующее средство и некоторая принимающая будущее во внимание и его обеспечивающая предусмотрительность.

ВЦ435

Во-вторых, согласно различию между рабом и господином, господин в рабе и в его службе имеет наглядное представление значимости своего единичного для-себя-бытия; при этом, однако, именно посредством снятия непосредственного для-себя-бытия это снятие выпадает на долю другого. Однако этот последний, т.е. раб, на службе у своего господина постепенно полностью теряет свою индивидуальную волю, свою самостоятельность, снимает внутреннюю непосредственность, своего вождения и в этом самоовнешнении и страхе перед господином полагает начало мудрости – переход к всеобщему самосознанию.

Прибавление. Поскольку раб работает на господина, следовательно, не исключительно в интересах своей собственной единичности, постольку его вождение приобретает широту, становится не только вождением вот этого человека, но содержит в себе в то же время и вождение другого. Соответственно с этим раб возвышается над самостной единичностью своей естественной воли и постольку стоит по своей ценности выше, чем господин, остающийся во власти своего себялюбия, созерцающий в рабе только свою непосредственную волю, и признанный несвободным сознанием раба лишь формально. Упомянутое подчинение себялюбия раба воле господина составляет начало истинной воли человека. Трепет единичной воли – чувство ничтожности себялюбия, привычка к повиновению – необходимый момент в развитии каждого человека. Не испытав на самом себе этого принуждения, ломающего своеволие личности, никто не может стать свободным, разумным и способным повелевать. Чтобы стать свободным, чтобы приобрести способность к самоуправлению, все народы должны были пройти предварительно через строгую дисциплину и подчинение воли господина. Так, например, было необходимо, чтобы после того как Солон дал афинянам свободные демократические законы, Пизистрат захватил в свои руки власть, опираясь на которую он приучил афинян к повиновению этим законам. И лишь после того как повиновение это пустило корни, господство пизистратитов стало излишним. И точно так же Рим должен был пережить строгое управление царей, которое сломало естественное себялюбие римлян, так что на этой основе могла возникнуть та достойная удивления римская доблесть любви к отечеству, которая готова на всякие жертвы. Рабство и тирания составляют, следовательно, в истории народов необходимую ступень и тем самым нечто относительно оправданное. В отношении тех, кто остается рабами, не

совершается никакой абсолютной несправедливости; ибо, кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом, и, наоборот, если какой-нибудь народ не только воображает, что он желает быть свободным, но действительно имеет энергичную волю к свободе, то никакое человеческое насилие не сможет удержать его в рабстве как в состоянии чисто пассивной управляемости.

Упомянутое рабское повиновение образует, как сказано только начало свободы, ибо то, чему при этом покоряется природная единичность самосознания, не есть в-себе-и-для-себя-сущая, истинно всеобщая, разумная воля, но единичная, случайная воля другого субъекта. Таким образом, здесь выступает только один момент свободы - отрицательность себялюбивой единичности; наоборот, положительная сторона свободы приобретает действительность только тогда, когда, с одной стороны, рабское самосознание, освобождаясь как от единичности господина, так и от своей собственной единичности, постигает в-себе-и-для-себя-разумное в его независимой от особенности субъектов всеобщности и когда, с другой стороны, самосознание господина - благодаря общности потребностей раба и господина и заботе об их удовлетворении, а также благодаря тому, что господин созерцает предметное снятие непосредственной единичной воли, в лице раба, приводится к тому, чтобы признать это снятие как истинное также и отношении к самому себе и сообразно с этим и свою собственную себялюбивую волю подчинить закону в-себе-и-для-себя-сущей воли.

) Всеобщее самосознание

ВЦ 436

Всеобщее самосознание есть утверждающее знание себя самого в другой самости, каждая из которых в качестве свободной единичности обладает абсолютной самостоятельностью, но вследствие отрицания своей непосредственности или вожделения не отличается от другой и представляет собой всеобщее самосознание. Каждая из них объективна и обладает реальной всеобщностью в форме взаимности постольку признает другую единичность и знает ее как свободную.

Примечание. Это всеобщее новое проявление самосознания - понятие, которое в своей объективности знает себя как субъективность, тождественную с само собой и поэтому всеобщую, есть форма сознания субстанции каждого существенного вида духовности - семья, отечества, государства, равно как и всех добродетелей - любви дружбы, храбрости, чести, славы. Но это проявление субстанциального может быть также и отделено от последнего и быть удерживаемо само по себе в мнимой чести, в суетной славе и т.д.

Прибавление. Результат борьбы за признание, полученный благодаря понятию духа, есть всеобщее самосознание, образующее третью ступень в этой сфере, т.е. то свободное самосознание, по отношению к которому предметное для него другое самосознание не является больше - как на второй ступени - несвободным, но есть в равной мере самостоятельное. На этой стадии соотнесенные друг с другом самосознающие субъекты возвысились, следовательно, через снятие их неодинаковой особенности единичности до сознания их реальной всеобщности - всем им присущей свободы - и тем самым до созерцания определенного тождества их друг с другом. Господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он еще не видел в другом с полной ясностью самого себя. Только через освобождение раба становится, следовательно, совершенно свободным также и господин. В состоянии этой всеобщей свободы я, рефлектируя в себя, непосредственно рефлектирован в другом и, наоборот, я становлюсь в непосредственное отношение к самому себе, относясь к другому. Мы имеем поэтому здесь перед собой насильственное разобщение духа на различные самости, в-себе-и-для-себя, а так же друг по отношению к другу совершенно свободные, самостоятельные абсолютно, непроницаемые, противодействующие - и в то же время все-таки тождественные друг с другом и, следовательно, не самостоятельные, не проницаемые друг для друга, но как бы слитые вместе. Это отношение имеет безусловно спекулятивный характер; и когда думают, что

спекулятивное есть нечто от нас далекое и непостижимое, то достаточно только рассмотреть содержание упомянутого отношения, чтобы убедиться в совершенной последовательности этого мнения. Спекулятивное, или разумное и истинное, заключается в единстве понятия, или единстве субъективного и объективного. На данной стадии развития это единство наличествует с очевидностью. Оно образует субстанцию нравственности – именно семьи, половой любви (здесь это единство имеет форму особенности), любви к отечеству – этого стремления к общим целям и интересам государства – любви к Богу, а также храбрости, когда последняя выражается в готовности жертвовать жизнью за общее дело и, наконец, также и чести, если последняя имеет своим содержанием не безразличную единичность индивидуума, но нечто субстанциальное, истинно всеобщее.

ВЦ437

Это единство сознания и самосознания содержит в себе прежде всего единичные личности как светящиеся видимостью друг в друге. Но их различие в этом тождестве есть совершенно неопределенная разность их или, скорее, такое различие, которое не есть различие. Их истина есть поэтому в-себе-и-для-себя сущая всеобщность и объективность самосознания – разум.

Примечание. Разум как идея выступает здесь перед нами в определении, согласно которому противоположность понятия в реальности вообще, единством чего и является разум, получила здесь более определенную форму для себя существующего понятия, сознания и – в противопоставлении сознанию – внешнее имеющегося налицо объекта.

Прибавление. То, что в предшествующем параграфе мы называли всеобщим самосознанием, – это в своей истине есть понятие разума, понятие, поскольку оно не есть только логическая идея, развившаяся до самосознания. Ибо, как мы знаем из логики, идея состоит в единстве субъективного, или понятия, и объективности. Но в качестве именно такого единства и раскрылось перед нами всеобщее самосознание, так как мы видели, что в своем абсолютном различии от своего другого оно все-таки в то же время абсолютно тождественно с ним. Это тождество субъективности и объективности и составляет как раз достигнутую теперь самосознанием всеобщность, возвышающуюся над обеими упомянутыми сторонами, или особенностями, и растворяющую их в себе. Достигая, однако, этой всеобщности, самосознание перестает быть самосознанием в собственном или узком смысле этого слова, ибо к самосознанию как таковому и относится как раз стремление прочно держаться особенности нашей самости. Через снятие этой особенности самосознание становится разумом. Термин разум в данном случае имеет лишь смысл первоначально еще только абстрактного, или формального, единства самосознания со своим объектом. Это единство составляет основание того, что в определенном различении от истинного следует обозначить как только правильное. Правильным мое представление бывает при простой согласованности его с предметом даже в том случае, если этот последний крайне мало соответствует своему понятию и тем самым не обладает почти никакой истиной. И только если истинное содержание становится для меня предметным, моя интелленция получает в конкретном смысле значение разума. В этом значении нам предстоит рассмотреть разум в конце развития теоретического духа, где мы, исходя из более развитой, чем до сих пор, противоположности субъективного и объективного, познаем разум как полное содержания единство этой противоположности.

с) Разум ВЦ438

В-себе-и-для-себя-сущая истина, которая есть разум, представляет собой простое тождество субъективности понятия с его объективностью и всеобщностью. Всеобщность разума имеет поэтому в равной мере значение объекта, только данного в сознании как таковом, и объекта самого по себе всеобщего, проникающего собою "я" и его объемлющего, то есть значение чистого "я", чистой формы, вызывающейся над объектом и его в самой себе объемлющей.

ВЦ439

Самосознание, будучи, таким образом, выражением достоверности того, что его определения в такой же степени предметны - представляют собой определения сущности вещей, - в какой они являются его собственными мыслями, - есть разум, который как таковое тождество есть не только абсолютная субстанция, но и истина в смысле знания. Ибо своеобразно присущей ему определенностью, его имманентной формой, является здесь само для себя как бесконечная всеобщность. Знающая истина есть дух.